

Михаил Арцыбашев

Бог

От скверных крепких папирос в комнате волокнами стоял синий дым, чай все желтел, желтел и наконец обратился в холодную воду, в которой плавали размокшие кусочки лимона, а Коцуры все не было.

Хозяин квартиры, Сергей Хижняков, крепкий плечистый семиклассник-гимназист, ругался, не стесняясь в выражениях, и приводил в краску шестиклассника Пушкарева, беленького, чистенького, как куколка, мальчика.

- Черт его знает, наверное, у него ничего и нет, а так только нахвастал, а теперь и сам не знает, как увильнуть.

- Конечно, нет, куда ему, долговязому... нахвастал!

Но в это время дверь отворилась, за косяк взялись чьи-то костлявые пальцы, и в темноте передней показалась снимавшая калоши длинная и нескладная фигура семинариста Коцуры.

- Где ты там, черт, застрял?.. ждем, ждем... иди скорее, - закричали ему все пять голосов.

Коцура ничего не ответил, снял калоши, повесил пальто на вешалку и вошел, длинный, белый, сухой, как мертвец.

- Ну, что ж?.. Будешь читать? - спросил Альбов.

Коцура повел мертвыми, неподвижными глазами и глухо произнес:

- Я затем и пришел.

- Ну и вали... нечего мямлить.

Коцура прошел к столу, сел, вынул из кармана листок бумаги и опять обвел всех тяжелым, неповоротливым взглядом.

Все четыре гимназиста и кадет Большаков придвинулись ближе, некоторые даже потушили папиросы.

- Слушайте, - раздался глухой, мертвый голос Коцуры, - я хотел с вами поделиться мыслями о Боге.

- Ну, вали! - снисходительно махнул рукой Хижняков.

- Жарь! - отозвался Большаков.

- Перед каждым человеком, - заговорил Коцура, ни на кого не глядя, - рано или поздно, неизбежно встает ужасный вопрос о том, что с ним будет после смерти... Человек живет, страдает, борется и умирает, и все эти муки и усилия исчезают вместе с ним, как будто никогда ничего и не было... Это ужасно, и если люди, как кажется, мало думают об этом и все хлопчут о чем-то, то это только потому, что курица, которую несут резать, взяв за ноги, естественно должна больше думать о той боли, которую причиняют ей прилив крови к голове и руки кухарки, чем о смерти, которой она не понимает... Кх!..

Коцура закашлялся и сердито сказал:

- Что вы тут, черти полосатые, накурили до того, что дышать нельзя!

- Можно форточку отворить, - предложил Пушкарев.

- Не надо, - сердито возразил Коцура. - Ну, так вот... Кажется совершенно неестественным, чтобы человеческий ум мог совершенно исчезнуть; чтобы то, что говорило, страдало, понимало все окружающее, все запечатлевалось в себе, кончалось полным небытием, как простая разрушенная машина. Ужас смерти, его полная безысходность, мука полной разлуки с миром и людьми так непереносимы для человека, что совершенно естественным и необходимым является учение о загробной жизни. В мечте о том, что со смертью еще не все будет кончено, что моя

индивидуальность и после могилы будет жить, видеть и слышать то, что будет после нас, есть нечто такое светлое и радостное, что человек готов примириться иногда с очевидной необоснованностью, с явным вымыслом, лишь бы поверить в нее, в загробную жизнь... И люди в течение долгих веков в нее верили... Я, конечно, не стану напоминать вам о сущности всех вероучений, о загробной жизни, но я укажу на то, что несомненно в них является самым важным, без чего такая вера немислима, - на Бога.

Пушкарёв пугливо покосился на Коцуру и покраснел.

- Что такое Бог? - вот вопрос, над которым мучились люди с самого начала сознания и до наших дней. Нечего говорить, что одна сторона вопроса, о самом факте бытия Божия, и другая, что из самой сущности понятия о Боге вытекает, что Бог есть начало всех начал, представляются совершенно непреложными.

- Почему? - возразил Большаков.

- Потому, что, во-первых, сила, двинувшая мир из небытия к бытию, так или иначе, но должна была быть, а во-вторых - если бы Бог не был началом всех начал, то существование его, или этой силы, не имело бы решающего значения: над ним была бы большая и сотворившая его самого сила.

- Ну да... это понятно! - протянул Хижняков.

- Да... Следовательно, вопрос о Боге, как о силе, начале всех начал, представляется совершенно вероятным, и, собственно, для нас, в нашем мучительном вопросе о загробной жизни, самое существование Бога не имеет еще никакой цены. Если бы загробная жизнь выразилась в слиянии нашей индивидуальности с первоначальной материей, то есть в утрате нашей индивидуальности, то для нас это уже есть смерть. Раз не сохранится наш ум, не сохранится ничего... Ум же сохранится только при одном условии: если Бог есть разумная сила. Тогда возможно предположить, что ум, утративший тот аппарат, которым, как электрическая энергия динамо-машиной, вырабатывался на свет, то есть лишившись мозга и всего тела, способен отделиться и существовать сам по себе, так же, как существует разумный дух Божий. Значит, вся важность вопроса о Боге заключается в определении самой сущности Бога как силы разумной или неразумной, стихийной, иначе говоря.

- И ты определил? - насмешливо спросил Хижняков.

- Да. Определил, - ответил Конура, поворачивая к нему такое мертвое лицо, что Хижнякову стало немного не по себе.

- Определить сущность Бога нельзя было потому, что Он невидим, неслышим и неосяцаем. Те измерения, которыми пользуются люди, не подходят к определению невидимого существа. Люди, верящие в Его бытие, старались открыть возможность Его увидеть, и так возникло понятие о загадочном четвертом измерении. Предполагалось так: существуют три измерения: длина, высота и ширина, но они не определяют всего того, что нужно людям, не показывают того, что очевидно, но чего нельзя определить ни шириной, ни высотой, ни длиной... Например, вечность и бесконечность, то есть именно то, что должно быть неотъемлемым качеством Бога. А также и невидимость. Думали приблизительно так: вообразим себе существо, обладающее только двумя измерениями, и вообразим, что это существо живет на поверхности воды. Все в мире должно было бы представляться этому существу лежащим на плоскости, и человек, который вошел бы в воду по колени, неминуемо представился бы этому существу в виде двух плоскостей, равных поперечному разрезу человеческих ног. Если бы человек вынул ногу из воды и шагнул на берег, он неминуемо исчез бы из пределов видимости для существа двух измерений, потому что он удалился бы с плоскости в высоту, недоступную для двух измерений. Следовательно, не было ничего легче, как допустить

существование существа, обладающего четырьмя измерениями, которое, двигаясь в сфере этого четвертого измерения, делается невидимым для человека. Так?

- Ловко! - восхищенно согласился Большаков, От всеобщего интереса даже дышать стало как будто труднее.

- Я первый открыл, что это совершенно неправильно, - с торжеством сказал Коцура. - Слушайте... Все эти три измерения - суть измерения чисто геометрические. Они предполагают пространство, но отнюдь не тело. Между тем весь мир населен именно телами, а не пространствами, и совершенно невозможно даже представить себе абсолютное пространство. Отправляясь отсюда, я понял, что четвертым измерением должно быть то измерение, которое из области воображаемого приводит сущность в область бытия, в положение видимого, осязаемого и ощущаемого предмета. Это четвертое измерение есть вес...

- Вот куды! - крикнул Хижняков. - Открыл!

- Молчи, дурак, - сердито возразил Коцура, - да, открыл!.. Я открыл то, что было, что вертелось у всех под носом, но ошибочно относилось в другое место... Америка тоже когда-то вертелась под носом у всех, но открыл ее Колумб!

- Так ты Колумб! - хихикнул Хижняков.

- А ты дурак!

- Теперь я разобрал так: что такое обладает одним измерением? Например, время... оно имеет только длину, но ничего больше. Что такое имеет два измерения? Например, звук... он имеет высоту и длину, то есть возможность измениться в двух направлениях. Так. Заметьте, что понятие о звуке, сравнительно с понятием о времени, например, имеет уже большую представляемость и большую, так сказать, плотность. Если во времени не необходимо никакое тело, то для существования звука оно необходимо. Таким образом, увеличивая число измерений, мы не отделяемся от плотности, а, напротив, приближаемся к ней. Так. Теперь поищем сущность трех измерений и проследим, идет ли и она по тому же пути в смысле приближения к телу.

Коцура согнулся и стал собирать свои заметки. Воцарилось глубокое молчание. Все казались подавлены и действительно ощущали холодок в сердце и тяжесть в мозгу. В этом гнетущем настроении какого-то надлома, молча, стали расходиться.

На дворе была зима и лунная ночь. Снег сверкал голубою морозною пылью. Было поздно, и дома стояли, черные с одной стороны, белые с другой, мертвыми громадами. Негорящие фонари холодно блестели стеклами и бросали через белую дорогу резкие черные тени. Звезды недосыгаемо далеко сверкали вверху, над белыми нитями намерзших телефонных проволок.

- Холодище какой! - нерешительно сказал Большаков, засовывая руки в рукава и поглядывая на Коцуру, методично шагавшего впереди.

Пушкарев поднял к звездам блестящие на белом лице глаза и мечтательно сказал:

- А ведь и в самом деле... Это понятно... Слепая сила, и только...

Все опять посмотрели на Коцуру выжидательно. Альбов исподтишка подставил ногу Большакову.

- Черт, в ухо дам! - вскрикнул тот, и, опять посмотрев на Коцуру, добавил: - Я никогда не верил...

- Какая тут вера, - важно произнес Альбов, - если бы была какая-нибудь разумная сила... Ах ты, дьявол! - заорал он, получив щелчок в ухо, и бросился за Большаковым, побежавшим через дорогу.

Молодой звонкий крик повис в воздухе. Пушкарев подставил ногу Альбову, но его самого толкнул в спину Иванов, и Пушкарев растянулся, набрав снегу в рукава. Большаков и Альбов боролись посреди улицы, и их тени тоже ожесточенно боролись на голубом снегу.

Коцура остановился и, презрительно вытянув свое мертвое лицо, открыл рот, но в эту минуту Иванов пригнулся, снежок пролетел у него через голову, и белая, мягкая звезда неожиданно залепила всю физиономию Коцуры.

Коцура охнул и, неожиданно придя весь в движение, стремительно бросился в атаку, кто-то подставил и ему ногу, но получил затрещину, и через минуту посреди улицы копошилась кучка, над которой звенели бесшабашно-радостные, запыхавшиеся голоса.

Над обмерзшими телефонными проволоками совершенно безмятежно сверкали звезды.